

18+

ЗЕЛЁНАЯ
МОГИЛА
ПЕРСИВАЛЯ

МАДИНА ВЕСТЧЕСТЕР

ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

Мадина Вестчестер

Зелёная могила Персиваля

«Издательские решения»

Вестчестер М.

Зелёная могила Персиваля / М. Вестчестер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-706582-5

Основано на реальных событиях. В начале XX века в дебрях Амазонки разыгралась одна из самых жутких катастроф человечества — строительство «железной дороги дьявола», унесшее тридцать тысяч жизней. Молодой инженер и его жена, бостонская аристократка, отправляются в этот экваториальный ад вслед за магнатом Блэквудом. Но на 31-й миле поезд застревает. Что на самом деле скрывают эти джунгли и какая зловещая тайна зарыта под ржавыми рельсами?

ISBN 978-5-00-706582-5

© Вестчестер М.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ 1	6
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	19
ГЛАВА 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Зелёная могила Персиваля

Мадина Вестчестер

© Мадина Вестчестер, 2026

ISBN 978-5-0070-6582-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В основе романа лежат реальные исторические факты строительства железной дороги Мадейра-Маморе в джунглях Амазонки в начале XX века. Все персонажи, их судьбы и диалоги являются художественным вымыслом автора.

ЧАСТЬ 1 АНАТОМИЯ КРАХА

ГЛАВА 1 ИЗУМРУД В ЧЁРНОЙ СЕЛЬВЕ

«...Вчера на закрытом ужине в отеле „Уолдорф-Астория“ мистер Артур Блэквуд представил инвесторам окончательный план синдиката по освоению бассейна Амазонки. Проект железной дороги Мадейра-Маморе призван связать каучуковые плантации с мировыми портами. Новейшие американские локомотивы, передовые методы инженерии и лучшие специалисты Бостона гарантируют победу цивилизации над дикостью. Мистер Блэквуд лично заверил прессу, что стальные рельсы пройдут сквозь сельву с математической точностью, открывая новую эру прогресса...»

(Из хроники финансовых новостей газеты «Нью-Йорк Телеграф», июнь).

Дощатый барак стоял на сваях, глубоко вбитых в рыжую глину на краю лагеря. Здесь рельсы магистрали упирались в стену столетней сельвы. Строители звали это место «Тринадцатая миля» — тринадцатая от речного порта, хотя точный счёт давно затерялся в сырости. Год назад у въезда вбили покосившийся деревянный щит. Кто-то из инженеров вывел на нем масляной краской: «13-я миля. Надежда умирает здесь». Дожди почти смыли буквы. Чёрная краска потекла, смешалась с плесенью, и от надписи осталось только липкое, обрубленное: «жда».

Снаружи, за тонкими щелями стен, дышали джунгли. Лес наступал, ежечасно отвоёвывая насыпь. Волосатые лианы толщиной в мужское запястье оплели нижние венцы построек, цепляясь за дерево мелкими склизкими корнями. Под корой этих свай древесина превратилась в бухую влажную труху. В глубине чащи кричали ревуны. Их голоса срывались на сухой человеческий хохот, уродливый и монотонный. Над кронами деревьев висело свинцовое небо. Тяжелое, без единого просвета, оно напоминало мутное бельмо. Солнце не пробивалось сквозь этот купол, но тропический жар плавил воздух, превращая его в тёплую густую взвесь. Дышать приходилось мелко, сквозь зубы — от глубокого вдоха горло мгновенно перехватывало сухой спазм.

Катарина Клейтон сидела у тяжёлого дубового стола, вывезенного три года назад из Бостона. Резные ножки, инкрустация по краям — эта мебель выглядела нелепо среди сырых неструганых стен. На столе лежал раскрытый архитектурный каталог особняков Новой Англии. Страницы журнала разбухли от вечного конденсата, плотная бумага покорибилась, а типографская краска липла к пальцам. Кэт смотрела на рисунок гостиной с камином. Прямо по изображению белого фасада лениво полз крупный тропический таракан с маслянистыми усами. Кэт не шевельнулась. Она равнодушно, без брезгливости опустила руку и придавила насекомое тяжёлым краем каталога.

Раздался сухой хруст хитина. На глянцевого рисунка дома осталось бурое влажное пятно.

Корсет под изумрудным шелковым платьем давил на ребра, мешая сделать даже короткий выдох. Металлические крючки на спине раскалились от удушливой бани и жгли кожу между лопатками. Плечи потемнели от пота, а длинный парадный подол был густо облеплен засохшей глиной. Кэт скользнула взглядом по своей тарелке. Рядом с куском черственного серого хлеба стояла жестяная банка с анчоусами. Кэт открыла её сама, безжалостно сломав ноготь на

большом пальце о рваный край железа. Рыбное масло смешивалось с запахом оплывающего воска, кислым потом и гнилой речной тиной.

Кэт посмотрела на свои ладони. Кожа на пальцах покрылась багровыми точками укусов мошек и мелкими сухими язвами от солнца. Местная влага въедалась в поры глубоко, как щёлочь. Рука мелко дрожала. Кэт поднесла к губам хрустальный бокал. Шампанское было тёплым, выдохшимся. Крупные плоские пузырьки лопались на языке беззвучно, оставляя привкус кислого винограда. Это была последняя бутылка из тех сундуков, что они везли через океан. Последний след Бостона, где по утрам пахло горячим хлебом и колониальным чаем, а не прелой гнилью опавших листьев.

— Ты серьёзно надела это платье? — Рик не поднял глаз от стула.

Он сидел на корточках перед старым вентилятором. С лопастей прибора давно облезла серая краска, а ржавая защитная сетка скрипела от малейшего прикосновения. Рик безуспешно пытался провернуть отвёрткой сорванный шлиц на винте.

— Ты же знаешь, здесь не Массачусетс.

Кэт шумно, со свистом втянула ноздрями воздух, выдыхая через рот. Слишком узкий корсет сдавил ребра.

— Я знаю, где нахожусь, Рик. Обезьяны за окном напоминают об этом в пять утра вместо звонка горничной. И вместо круассанов на моем столе стоят эти консервы. Но сегодня четыре года с нашей свадьбы. Я хочу чувствовать себя человеком. Один день.

Рик отложил отвёртку на засаленный пол. Металл звякнул о доски. Инженер поднялся, вытирая ладони о бедра. Его серые глаза с лопнувшими от бессонницы красными прожилками остановились на жене. Рик смотрел на неё долго, ловя взглядом изменения. Мягкая бостонская округлость щёк исчезла. Скулы обтянулись сухой кожей, под глазами залегли тёмные, синеватые тени. Пальцы Кэт судорожно сжимали ножку бокала, а сломанный о жестянку ноготь сочился сукровицей.

Рик отвёл взгляд в угол барака, запустил руку в карман брюк и принялся механически крутить там замасленную гайку.

— Прости, — его голос прозвучал глухо. — Я не знаю, как оставаться человеком в этой бане. Три часа я вожусь с этой жестянкой. Безуспешно. Резиновые прокладки превратились в липкую кашу за неделю, а подшпипники съела ржавчина. В Бостоне я собирал мостовые пролёты. Здесь я бессилен перед комнатным пропеллером.

Он с натугой сжал правый кулак. Суставы пальцев отозвались сухим, костяным хрустом. Кэт знала этот звук. За два года брака она выучила, что этот хруст заменял Рiku ругательства и означал высшую степень бессилия, когда чертежи и формулы переставали работать.

— Ты починишь, — Кэт провела пальцем по влажной ножке хрустального бокала. — Ты всегда находишь решение.

— Железо бессильно, Катарина. Здесь металл сдаёт быстрее, чем мы успеваем заметить. Люди сдают так же.

Рик опустил вентилятор на засаленный пол. Лопасти дёрнулись с натужным ржавым писком, качнулись и замерли. В бараке восстановился неподвижный, серый воздух.

С насыпи долетали хриплые голоса. Португальские ругательства кочегаров перемешивались с говором местных подёнщиков. В паре сотен ярдов от барака лесорубы методично валили сухостой — глухие, тяжёлые удары топоров отдавались тупой вибрацией в половицах под ногами Кэт. Сквозь щели в досках тянуло гарью. На кострах жгли прогнившие шпалы и мусор. Этот дым смешивался с запахом стоячей болотной воды, нагретого за день железа и сладковатым, удушливым ароматом диких орхидей. Цветы проросли тонкими склизкими усами прямо сквозь пазы стен, превращая сырое дерево барака в питательную гниль для своих корней.

— Помнишь нашу первую годовщину? — Кэт сделала глоток. Шампанское окончательно согрелось, отдавая уксусной кислотой. — В Бостоне, у Паркера. Мы заказали устриц, а за окнами падал чистый, сухой снег. Рик, ты тогда пообещал...

— Я пообещал объехать мир, — Рик перебил её задумчиво, глядя в тёмный угол. — Назвал Амазонку главным приключением нашей жизни.

— Ты сказал, что эти реки и леса сохраняют нас молодыми, — поправила Кэт.

Рик горько усмехнулся. Уголок его рта судорожно дёрнулся.

— Я был дураком. Мы здесь — просто куски мяса в огромном теплом желудке земли.

Он сунул руку в карман брюк, извлёк ржавую гайку со слизанной резьбой и принялся монотонно перекачивать её между мозолистыми пальцами. Металл привычно скользил от большого пальца к указательному, затем к среднему. Рик заиклился на этом ритме, уставившись в доски пола.

— Я не хочу умирать здесь, Рик, — Кэт перешла на злой, едкий шепот. — Не хочу, чтобы моё тело сгнило на этой магистрали, где даже рельсы по ночам светятся зелёным фосфором, как гнилые кости.

— Сталь не умеет гореть сама по себе, Катарина. Это статическое электричество перед грозовым фронтом. Обыкновенная физика.

— Физика, — Кэт коротко, горько усмехнулась. Её ноздри судорожно втянули воздух, ловя удушливый запах орхидей. — Ты хватаешься за свои формулы всякий раз, когда боишься признать очевидное. Эту глушь нельзя измерить линейкой.

Дверной засов с натужным скрипом подался назад. В образовавшуюся щель просунулась широколобая голова с тяжёлыми скулами. Индеец Маноло, нанятый Клейтонами три месяца назад на нижней пристани, замер на пороге. На нем висела грязная серая холщовая рубаха, пропотевшая на лопатках до темных пятен. Его босые, широкие ступни были покрыты коркой засохшей рыжей глины и глубокими, сочащимися трещинами от постоянной ходьбы по щебню насыпи. Маноло оставлял за собой на чистых досках пола влажные грязные следы. В руках он держал грубый деревянный поднос.

— Сеньор, сеньора, — его гортанный голос больше напоминал прерывистый хрип. — Пора убрать. Ночь пришла.

Кэт попыталась изобразить кивок, но мышцы лица свело судорогой от лихорадочного жара. Пульсирующая жилка на её левом виске забилась чаще.

— Забирай, Маноло.

Индеец принялся собирать тарелки, неуклюже цепляя пальцами тонкие края бостонского фарфора. Его широкие, мозолистые ладони сжимали серебряные вилки с явным опасением, будто металл мог укусить. На хрустальные бокалы Клейтонов он косился с дикарским, суеверным страхом. От слуги резко несло кислым потом, варёным маисом и сырой речной тиной.

Сгребая посуду, Маноло аккуратно, стараясь действовать незаметно для белых людей, прижал локтем к боку пустую жестяную банку из-под анчоусов с рваными краями. Для него эта выброшенная жесть была ценнее всего серебра Бостона.

Маноло развернулся и вышел. Его босые ноги оставили на чистых досках мокрые глиняные следы — тёмные, влажные отпечатки пальцев, которые мгновенно подсыхали, превращаясь в бурые чешуйки. Кэт смотрела на эти пятна. Цивилизация в этих краях сходилась с человека шелухой, и привычка чистить полы по утрам исчезала первой.

— Он косится на нас как на богов, — Рик мотнул головой в сторону порога. — Глупец.

— Маноло здесь дома, — Кэт не повернула головы. — А мы — чужие. Мы здесь никто.

В бараке повисла плотная тишина. Фитили свечей чадили, пламя вытягивалось вверх тонкими синими иглами — статическое напряжение в воздухе нарастало перед грозовым фронтом. Кэт чувствовала, как мелкие волоски на её предплечьях приподнимаются и встают

дыбом от электрических разрядов в атмосфере. Она подошла к мутному зеркалу в углу. Стекло покрывал слой серой влажной пыли.

Отражение пугало фальшью. Спутавшиеся от сырости тёмные волосы пахли речной тиной и торчали жёсткой паклей. На бледной шее горели крупные красные волдыри от укусов гнуса. Кэт заметила, что её зрачки расширились, заняв почти всю радужку, а во рту стоял стойкий вкус сухого мела. Она облизнула солёные, потрескавшиеся губы. Тупая жилка на левом виске забилась сильнее, отсчитывая первые часы малярийной лихорадки.

В этот момент фитили свечей резко вспыхнули синим пламенем, зашипели и погасли. Барак погрузился в мазутную темноту. Кэт вскрикнула, ухватившись за край стола.

— Рик!

Инженер молча шагнул к окну и с натужным скрежетом рванул на себя тяжёлые деревянные ставни. Снаружи, прямо перед их порогом, уходили во тьму две идеально ровные полосы. Рельсы недостроенной магистрали светились в темноте призрачным, густым фосфорическим зелёным огнём. Две светящиеся неоновые черты разрезали Чёрную сельву и терялись в тумане.

В дверь заколотили. Тяжёлые, панические удары сотрясли хлипкие доски. Рик дернул засов, и в комнату, едва не упав на спину Кэт, завалился доктор Хейл. Его глаза дико блеснули в зеленоватом полумраке окна, воротник сорочки был разорван, а из кармана пиджака торчало горлышко бутылки с ромом. Доктор тяжело, со свистом дышал, пачкая косяк мазутными пальцами.

— Блэквуд — банкрот, Клейтон, — Хейл выплюнул на пол рыжую слюну от жевательного табака и хрипло рассмеялся. — Его финансовый синдикат лопнул сегодня утром в Нью-Йорке. Начальник станции пустил себе пулю в рот полчаса назад, я лично вытирал мозги с его стола. Сейф пустой! Телеграфный провод в лесу перерезан мародерами! Кораблей снабжения не будет! Мы официально мертвы для всего мира!

Доктор замолчал, припадая к бутылке. Рик медленно перевёл взгляд со светящихся зелёных путей на бледное лицо жены.

— Мы здесь сгниём, Рик.

Кэт произнесла это в мутное серое стекло зеркала, едва шевеля сухими, солёными губами.

— Не говори так.

Рик шагнул из темноты угла и опустил ладони на её плечи. Тяжёлые, жёсткие пальцы инженера, покрытые сухими мозолями от гаечных ключей, ввелись в изумрудный шёлк платья. Кэт ощутила сквозь ткань их привычное, давящее тепло.

— Мы выберемся. Я соберу этот малый поезд, Катарина. Я вывезу нас по насыпи. Формулы не могут ошибаться, я найду какое-нибудь решение.

Она обернулась. Серые глаза Рика были неподвижны. Кэт искала в них прежний, бостонский свет — тот самый, что зажёгся три года назад на балу в честь открытия новой железнодорожной ветки Новой Англии. Он стоял тогда у мраморной колонны, сутулый, нескладный, с чертёжным тубусом под мышкой, и увлечённо говорил о сопротивлении материалов и пролётах мостов.

— Ты всегда находишь решение, — Кэт злой, надменной усмешкой скрыла судорогу в горле. — Но что, если чертежи Блэквуда — это тупик? Что, если эта низина — огромная ловушка из грязи, и выхода из неё нет?

Рик не ответил. С насыпи, рассекая плотный гул Амазонки, долетели первые гортанные выкрики. Кто-то тяжело бежал по жидкому месиву дороги, шлёпая подошвами по лужам. Испанская ругань кочегаров срывалась на хриплый фальцет, слов было не разобрать. Кэт вздрогнула, лопатками упёршись в мутное зеркало.

Рик уже скользнул к порогу. Он толкнул деревянную дверь. Там, за навесами угольных складов, в багровых сумерках занимающегося рассвета метались грязные человеческие тени.

«Тринадцатая миля», состоящая из двух десятков дощатых бараков, ремонтных мастерских и складов с динамитом, превратилась в разворошённый муравейник. Крики множились, приобретая ровный, звериный оттенок паники.

— Сиди внутри, — Рик коротко мотнул головой, не оборачиваясь. — Задвинь засов.

Дверь захлопнулась. Кэт осталась одна среди чадающих синих фитилей и приторного запаха пролитого анчоусного масла. Она шагнула к окну, рванула в сторону суконную занавеску. На грязной дороге, освещенной редкими керосиновыми фонарями, бесновались люди. Строители, лесорубы, кочегары — Кэт видела их злые, испуганные лица, блестящие от липкого пота лбы. Отовсюду тащили холщовые мешки со склада снабжения. Двое португальских плотников деловито, без суеты разбивали тяжёлым обухом топора бочку с техническим спиртом. Дерево с треском лопнуло. По рыжей глине потекла тёмная пахучая лужа, и воздух мгновенно пропитался сивушным, едким запахом алкоголя.

В проёме окна Кэт поймала взглядом пути. Стальные нити рельсов уходили в чашу, к заброшенному мостовому пролёту. Они горели ровным, фосфоресцирующим зелёным светом. Фиолетовое брюхо грозowych туч ворочалось над кронами деревьев. Ветер швырнул в барак плотную волну озона.

Кэт обхватила себя руками за плечи. Кожу мгновенно обсыпал мелкий холодный озноб, хотя воздух под потолком напоминал горячую баню.

«Сталь не умеет гореть фосфором, — Кэт зажмурилась, пытаясь выжечь это свечение из памяти. — Учёные в Бостоне называли бы это статическим разрядом перед бурей или свечением гнилостной плесени. Но учёные сидят в сухих кабинетах. Здесь, в душной темноте, этот зелёный огонь кажется неоновой чертой, которую природа провела между нами и остальным миром. Магистраль сама подсвечивает путь своим новым пассажирам».

— Нам гарантировали величайший триумф прогресса, — Хейл перебил её, опустив подбородок на разорванный воротник. Из его рта несло дешёвым спиртом. — Я помню этот нью-йоркский бред. Мост в будущее. Только мост рухнул в болото, Катарина. Блэквуд выкупил эти земли на аукционе, заперев права собственности в кожаные папки. Глупец. Эту чашу нельзя купить — её можно взять в долг у самой смерти, расплачиваясь жизнями кочегаров. Каждая миля путей уложена на кости рабочих, чьи имена Блэквуд даже не записал в ведомости. Его банк лопнул. Кораблей со снабжением не будет. Мы вычеркнуты из списков живых.

— Что делать? — Кэт спросила это тихо, срываясь на одышку из-за давящего корсета. — Рик, что теперь?

Хейл перевернул бокал, вытирая губы тыльной стороной ладони, испачканной в карболке. Хрусталь со стуком опустился на дубовую инкрустацию стола. Врач уставился на изумрудный шёлк платья Кэт, фиксируя взглядом тёмные синеватые круги под её глазами. Его жёлтые белки были неподвижны.

— Нам нужен план, — Рик резко развернулся, выдернув руку из кармана. — В западном тупике, на заброшенном пути, стоит «Черная Мария». Малый маневровый паровоз. Металл там крепкий. Если восстановим котёл и заварим вагон стальными листами, мы прорвёмся обратно к порту.

Из глубины заросшей просеки, за милю от лагеря, пришёл новый звук. Тяжёлый, металлический удар по рельсу. Одиночный, чистый, он покатился по стали путей, вибрируя в досках пола. Будто кто-то в непроглядной ночной чаще проверял прочность колеи путевым молотом. Строителей в лесу быть не могло. Магистраль застыла в тупике банкротства, но металл гудел. Вибрация долетела до барака, и кожа на шее Кэт мгновенно покрылась мелким холодным ознобом. В фосфоресцирующем зелёном полумраке окна лица Рика и Хейла казались серыми, высеченными из известняка. Зелёный коридор путей ждал своих пассажиров.

За окном тяжело, крупными каплями ударил первый тропический ливень. Снизу, прямо из-под светящейся насыпи, донеслось плотное, сухое шуршание. Огромное чешуйчатое тело

чёрной анаконды выползло на зелёные рельсы. Её кольца тускло ловили фосфорный свет путей. Змея медленно преодолела сталь, ломая своим весом стебли орхидей, и скользнула под деревянный настил барака. Кэт замерла, всем телом ощущая через ножки стула, как тяжёлые кольца твари трутся о доски пола прямо под её ногами. Тварь уходила вглубь подпола, оставляя за собой влажный слизистый след.

Земля заявляла свои права на брошенную станцию. Кэт опустила взгляд на свои ладони, испачканные разбухшей масляной краской подлокотников. Изумрудный шёлк платья, фарфор Паркера, хрусталь и Бостон — всё превратилось в иллюзию, смытую тропическим дождём за одно утро. Праздник кончился. Остался только сырой барак, ржавая гайка в кулаке Рика и зелёный фосфорный путь в никуда.

Кэт шагнула от мутного зеркала к мужу, преодолевая лихорадочный озноб в висках.

— Я не останусь в этой земле, Рик, — она перешла на ровный, злой шёпот, и в её голосе впервые проступил жёсткий металл. — Мы не сгниём здесь. Начинай варить сталь.

Кэт смотрела на хмурое, покрытое мазутными разводами лицо мужа. Сухость во рту и привкус мела обострили восприятие: эта общая обречённость сжимала их крепче, чем бостонские клятвы у алтаря. Кэт шагнула вперед, перехватила его ладонь и сжала пальцы до судороги. Суставы инженера отозвались коротким костяным треском. Рик не отдернул руку — его пальцы впились в её ладонь в ответ, ломая кожу мозолями.

— Мы поднимем этот поезд, — Рик произнёс это в темноту окна, едва шевеля губами. — Сварим стальной короб. Пробьем завалы. Придётся разбить мебель, швырнуть в топку чертежи Блэквуда и наши сундуки — я сделаю это. Мы выедем отсюда.

— У нас остался выбор? — Кэт сорвалась на одышку, корсет стянул ребра.

— У нас остались рельсы и Чёрная сельва, — Рик дёрнул плечом. — И эта зелёная светящаяся полоса.

Ливень снаружи хлынул сплошной стеной. Вспышка молнии расколола чернильное небо над кронами. Белый электрический свет на секунду выхватил дальний перегон магистрали. Там, среди заросшей просеки, неподвижно стояли безмолвные татуированные фигуры дикарей. Они застыли на шпалах каменными изваяниями, глядя прямо на барак Клейтонов. Кэт сдержала крик, вцепившись пальцами в руку Рика. Она промолчала — Хейл списал бы всё на бред малярии.

Фосфоресцирующий туман Амазонки поднимался от болот, окутывая стальные рельсы, затягивая людей внутрь своего вечного прелого лона.

— Завтра, — Рик разжал кулак, гайка в его кармане глухо звякнула. — С первыми лучами мы начнем работу у котла.

Кэт молча кивнула, лоя ртом липкий воздух. Жилка на её левом виске продолжала методично отсчитывать секунды до наступления утра.

Анаконда уползла в темноту подпола. На зелёном фосфоресцирующем рельсе остался широкий мокрый след, который мгновенно испарился от тропического жара, поднявшегося от земли. Но далёкий одиночный удар по металлу все ещё звенел в ушах. Металлическая вибрация затихала в досках стен. Этот звук казался призрачным гудком ещё не собранного паровоза.

Они стояли посреди крошечной темноты барака, прижавшись друг к другу, и слушали свистящее дыхание Чёрной сельвы. Фитили погасли. Сквозь узкие щели в деревянных ставнях просачивались бледные неоновые полосы. Этот зелёный болотный свет ложился на фарфор и серебро стола, напоминая мёртвый неподвижный взгляд из-под сырой земли. Магистраль безмолвно забирала свои права на их жизни.

Кэт крепко зажмурилась. Веки обжёг сухой лихорадочный жар. Ей хотелось плакать, но мышцы лица онемели от духоты. Слез не было. В Амазонке человеческие слезы испаряются с кожи быстрее, чем доллар в кармане обанкротившегося Блэквуда.

ГЛАВА 2

СИНДРОМ БРОШЕННОЙ СТАНЦИИ

«Газета 14 ноября 1906 года. Раздел «Биржа и Инвестиции»:

«...Синдикат г-на Артура Блэквуда гарантирует держателям акций Madeira-Mamoré Railroad полный возврат средств под залог каучуковых плантаций штата Амазонас. Прогресс не остановить. Джунгли отступают перед американским капиталом. Христианская цивилизация входит в дикую сельву под стук путейских молотов. Инженерный корпус подтверждает: до полной смычки путей осталось менее года. Билеты на первый трансконтинентальный экспресс уже в продаже...»

Подпись карандашом на полях архивного экземпляра:

«Снабжение прекращено. Касса пуста. Забыть».

Кэт проснулась от того, что не могла дышать.

Воздух в бараке стал плотным, как вата. Он оседал на языке тяжёлым, влажным комом, пахнувшим прелыми листьями и стоячей речной водой. Потолок исчез — стропила поглотил серый, липкий туман. Простыни, в которые она куталась ночью, казались мокрыми, словно их только что достали из реки. Кожа под ними зудела от мелкой, раздражающей сыпи. Кэт провела рукой по постели. Ткань дышала холодной, въедливой плесенью Амазонки, которая за одну ночь превращает хлопок в труху, а шерсть — в гниющий войлок.

Она села, коснулась ладонью лица. Пальцы поймали липкий серый налёт — смесь пота и угольной пыли, просочившейся сквозь щели в стенах. Тёмные спутанные волосы прилипли к вискам мокрыми прядями. Кэт с усилием откинула их назад. Влага проникала в поры, заполняла каждую клетку, превращая тело в губку. На шее и ключицах от пальцев оставались тёмные следы. Они не высыхали, становились только жирнее, будто женщина спала на дне илистого болота.

Рик сидел на краю кровати спиной к ней и смотрел в стену. Он не спал всю ночь. Кэт поняла это по его плечам, сведённым сухим мышечным зажимом, по пальцам, крутившим ржавую замасленную гайку в кармане брюк. Расстёгнутый ворот рубашки обнажал лопатки с багровыми полосами от жёсткой спинки стула. Муж повернул голову. Воспалённые глаза прорезала сетка красных прожилок, тёмные впадины кругов казались следами чужих пальцев, вдавленных в лицо. Щеки заросли жёсткой серой щетиной. На волосках блестели капли тумана, похожие на росу на мёртвой траве.

— Ты не спал, — сказала она. Голос прозвучал хрипло, надтреснуто.

— Не мог, — Рик выдавил фразу вместе с металлической нотой усталости. — Кругом шум. Каждую минуту слышал стук. Думал, ломают склады, тащат инструменты. Лежал и считал удары топора. Тридцать семь. Насчитал тридцать семь, пока уверял себя, что это ветер ломает сухие ветки. И ещё тридцать восемь, когда понял правду. Я просто слушал, как этот лес поглощает лагерь по кусочкам.

Кэт опустилась рядом, прижалась лбом к его плечу. Под кожей инженера перекачивались тугие узлы мышц. Его тяжёлое, прерывистое дыхание смешивалось с её вдохами. От Рика пахло железом, гарью и кислым потом. Знакомый запах дома. Но сейчас к нему примешался новый аромат — едкий, сырой запах страха. Его нельзя было спутать ни с чем.

— Что мы будем делать, Рик? — Кэт сорвалась на шепот, обнажая трещину в голосе. — Что теперь?

— Уходим, — он поднялся, его тон затвердел, превращаясь в сталь. — Прямо сейчас. Пока они не добрались до депо. Пока «Чёрную Марию» не разобрали на металлолом ради меди. У нас осталось несколько часов. Может, один час. Может, тридцать минут. Мы обязаны успеть.

Он рванул с крючка куртку, натянул рубашку. Пальцы дрожали, промахивались мимо петель. Инженер глухо зарычал, сжав кулаки. Суставы пальцев отозвались сухим, костяным хрустом. От этого звука у Кэт болезненно заломило в висках.

— Дай я, — сказала она мягко.

Кэт отвела его руки в стороны. Она начала застёгивать пуговицы — медленно, аккуратно, как делала это сотни раз в Бостоне перед театром или зваными вечерами. Пальцы скользили по влажной от пота груди мужа. Его сердце билось быстро, неровно, как у загнанного зверя.

— Помнишь рубашку перед балом у губернатора? Ты тогда уверял, что только я справляюсь с этими проклятыми пуговицами.

— Да, — в голосе Рика мелькнула слабая тень улыбки. — Я добавил, что из тебя вышла бы профессиональная горничная, не будь твой отец банкиром.

— А ты ответил, что я слишком горда для горничной.

— Ты слишком горда для всего, Кэт. За это я тебя и люблю.

Она закончила с воротником, заглянула ему в глаза. В их глубине еще теплилась искра из первой ночи знакомства. На том бостонском балу он подошёл к ней у колонны и произнёс: *«Вы выглядите скучающей. Могу предложить разговор о сопромате, чтобы спасти вас от тоски»*. Она тогда рассмеялась. Никто прежде не говорил с ней о сопромате. А он говорил, его взгляд горел, и Кэт влюбилась в этот внутренний огонь.

— Мы сделаем это, — произнесла она твердо, сжав его ладони. — Ты и я. Как всегда. — Как всегда, — повторил он. В тон вернулась привычная сталь.

Рик отпустил её, начал собирать вещи. В старый рюкзак полетели инструменты, карта, компас, спички, огарки свечей. Кэт наблюдала за его резкими, суетливыми движениями. Прежний мир перестал существовать. Остался туман, чужие звуки и этот человек, пытающийся спасти их обоих.

Она повернулась к столу с остатками вчерашнего ужина. Фаянсовые чашки облепили миллиарды крошечных рыжих муравьев. Насекомые двигались сплошной шуршащей коркой, пожирая остатки бостонского сиропа — последнюю частицу цивилизации. Кэт смотрела на эту живую массу. К горлу подступила душная тошнота. Муравьи оккупировали стулья, пол, ползли по гнутым ножкам стола, облепляя серебряные приборы. Их ритмичное, неумолимое движение казалось самой сельвой, которая переваривала их прошлую жизнь, превращая её в бурю биомассу.

Кэт опустила ноги на пол, нащупала обувь. Дорогие кожаные туфли из Бостона, с изящными пряжками и тонкой подошвой, в которых она в прошлой жизни прошла не больше мили. Она взяла их в руки и застыла от ужаса. За одну ночь кожа покрылась плотным слоем серого влажного пушка. Плесень въелась в швы, превратила изящные задники в труху, рассыпавшуюся в пальцах.

— Бери рабочие сапоги, — бросил Рик, не оборачиваясь. — Живее. Уходим через пять минут. Никакого лишнего груза. Только то, что поместится в рюкзак. И забудь про платье, Кэт. Оно здесь бесполезно.

Она натянула тяжёлую грубую обувь, пропахшую чужой грязью. Ноги сразу потяжелели, будто намертво вросли в землю. Кэт поймала своё отражение в мутном зеркале: бледное лицо, спутанные пряди, глубокие тени под глазами. Изумрудное платье казалось лохмотьями на призраке женщины, начавшей умирать задолго до остановки сердца.

— Готова, — произнесла она. Голос прозвучал на удивление твердо.

Они толкнули дверь наружу, и туман обрушился на них всей своей сырой тяжестью. Влага мгновенно пропитала одежду, сделала волосы мокрыми, сальными. Воздух на площади оказался густым, как кисель. В нос ударил запах пролитого керосина, мокрой шерсти рабочих рубаш и приторный, тошнотворный душок гниющих орхидей. Кэт закашлялась, прижав ладонь к губам, и в этот миг застыла.

Из распахнутого окна конторы в двадцати шагах от их барака рвался хриплый, потрескивающий звук граммофона. Пластинка выплёвывала бодрую, дикую мелодию. Поверх оркестрового треска неестественно радостный голос диктора с чистейшим бостонским акцентом нахваливал гигиеническое средство:

«...Джентльмены и леди, попробуйте новый „Зубной эликсир доктора Паркера“! Ваши зубы станут белее снега на вершинах Альп, дыхание — свежее утреннего бриза в гавани Бостона! Всего три доллара за банку. Три доллара, и вы забудете о кариесе, неприятном запахе, обо всех мелких неудобствах, портящих жизнь современного человека! Доктор Паркер гарантирует...»

Механизм заело. Иголочка с противным тупым шипением и регулярным щёлканьем принялась крутить одну и ту же фразу:

«...свежесть бостонского... щелк... свежесть бостонского... щелк...»

Под этот механический, издевательский ритм толпа рабочих штурмовала продовольственные склады. Люди крушили топорами двери, волокли по грязи ящики, опрокидывали бочки солонины.

Кэт замерла. Земля уходила из-под тяжёлых сапог. Накатил душный морок, похожий на ночной кошмар, когда ноги отказываются служить, а чужой механический голос звучит прямо в ушах. Люди, с которыми она вчера вежливо здоровалась на площади, теряли человеческий облик. Они обходились без яростных криков или размахивания оружием. Толпа двигалась быстро, жадно, с лихорадочным остервенением испуганной собачьей стаи при виде мяса.

— Господи, — прошептала Кэт. К горлу подступил тошнотворный спазм. — Что они делают?

— Выживают, — Рик произнёс это сухо, как выдохнул пепел. — Делают то же, что сделали бы мы без плана и надежды. Хватают добычу, пока её не унесли другие. Завтра лагерь опустеет. Запомни этот момент, Кэт. Страх превращает людей в сытых насекомых.

Кэт проводила взглядом мужчину в рваной рубашке. Тот волок парусиновый мешок, но ткань лопнула. Серая фасоль хлынула в рыжую жижу, смешиваясь с глиной и навозом. Тяжёлые сапоги мародёров мгновенно втоптывали зерна в кашницу. Никто не замедлял шаг, чтобы подобрать горсть. Чуть поодаль женщина пыталась сдвинуть ящик солёной свинины. Ноша оказалась слишком тяжёлой, мать упала в грязь, и идущие следом хладнокровно перешагивали через её голову. Маленький ребёнок рядом захлёбывался плачем, но этот тонкий крик полностью поглотил в бодром хрипе граммофона и плотном топоте сотен ног.

— Они видят только еду, — в голосе Кэт осела горькая соль. — Забыли обо всем. Без топлива, инструментов и угля они сгниют здесь за неделю. Фасоль их не спасёт.

— Они не думают о неделе, — Рик потянул её за собой, увлекая прочь от толпы. — Их горизонт — одна минута. Они дерутся за ящики с сахаром, словно собираются жить здесь вечно. Глупцы. В этой сельве золото весит меньше, чем фунт сухого угля для котла. Но они ослепли.

Они двинулись вдоль стены барака, скрываясь в серой дымке. Туман окутывал плечи, как холодный саван. Его влажные пальцы оседали на лицах, шеях и руках. Кэт косилась на мужа. Инженер сканировал пространство, просчитывал безопасные зоны до ближайших строений, оценивал препятствия. Его пальцы сжимали её ладонь до боли. Рик оставался математиком даже в эпицентре крушения мира.

Они проскользнули мимо разбитого склада. Здоровяк с багровым лицом и мокрыми от пота волосами выволакивал из дверного проёма тяжёлый сундук с инструментами. Рядом суетился тощий рабочий с жидкой бородкой и бегающими крысиными глазами. Мужчины ожесточённо спорили. Их слова поглощал надрывный механический лай граммофона, крутившего проклятую бостонскую пластинку.

«...щелк... свежесть бостонского... щелк... свежесть бостонского...»

В этот миг Кэт увидела его.

Мужчина сидел на перевернутом деревянном ящике у входа в главный склад. Крупный, широкоплечий, с тяжёлым бычьим затылком. Грязная холщовая рубаша распахнулась на груди, засаленные штаны бурились серыми заплатками на коленях. Широким лезвием охотничьего ножа он лениво ковырял собственный ноготь. Большой палец его правой руки опух, покраснел и сочился желтоватым гноем у основания. Мародёр действовал медленно, с полным, монотонным равнодушием человека, занятого привычной рутинной.

— Макгрегор, — выдохнул Рик. В его тоне смешались усталость и безразличное презрение.

— Ты знаешь его? — Кэт сильнее вжалась в доски барака.

— Все знают. Командовал погрузкой. Теперь взял под себя грабеж.

Макгрегор сковырнул гнойную корку, вытер сталь о штанину. Из дверей склада вывалился старый кладовщик — седой, сгорбленный, с трясущимися руками. Старик отчаянно цеплялся за амбарный замок, который рослый рабочий уже крушил ломом. Седой хрипел на ломаном испанском, но этот слабый писк тонул в шуме площади.

Макгрегор поднял голову. Окинул кладовщика взглядом — без ярости или злобы, со скужающей задумчивостью, с какой мгновение назад разглядывал свой палец. Сплюнул сквозь зубы рыжую табачную слюну и повернулся к парню с ломом.

— Каша сегодня недосоленная, — голос мародёра сипел гортанным придыханием. — Вчера велел коку сыпать больше, а этот кретин опять сэкономил. Будто соль у него из собственного кармана убывает. А ты толкуешь — продовольствие. Какое продовольствие? Каша без соли — корм для свиней.

Он зажал пальцем левую ноздрю, шумно и сочно сморкнулся прямо под ноги. Слизь упала в жидкую рыжую глину, смешавшись с растоптанной фасолью. Кругом никто не повернул головы — толпа потрошила мешки.

Кладовщик сорвался на сиплый лающий кашель. Он умолял, хватал рабочих за рукава, лепетал, что без инструментов лагерь погибнет, а уголь в депо — их единственный шанс на спасение. Макгрегор не слушал. Он выдавливал остатки гноя из ранки. Вопли старика занимали его меньше, чем собственная плоть.

— Слышишь меня, дед? — бросил Макгрегор, не поднимая глаз. — Я тебе про недосоленную кашу, а ты мне про железо. Инструменты людей не накормят. Моим парням нужно мясо. И соль. А ты предлагаешь им поститься, потому что дрожишь за свои поганые гаечные ключи?

Кладовщик попытался заговорить — челюсть его мелко затряслась, выплёвывая бессвязные испанские звуки. Макгрегор поднялся с ящика. Медленно, тяжело, по-медвежьи. Он высунулся над стариком на целую голову, накрывая его своей тенью. Взглянул сверху вниз. В глазах — ни капли злобы, только пустое, маслянистое равнодушие. Так смотрят на муху перед хлопком ладоней.

— Шагай отсюда, — бросил он, даже не повысив голоса. — Сказал же. Живее. — Но, сеньор... п-послушайте... — старик выставил вперед сухие ладони. — Уголь... уголь в депо-то... Там же... Если растащат, поезда... п-паровозы наши не двинутся! Мы ведь... мы ж тут сгниём, сеньор!

Макгрегор шумно, со свистом вздохнул. Так выдыхают, когда до смерти надоедает слушать чужую нытливую болтовню. Он приподнял нож, коротко крутанул лезвие в грязных пальцах и вдруг — без замаха, не меняя сонного лица — наотмашь вогнал тяжёлую костяную рукоять в темя старика.

Раздался тупой, костяной хряск. Хэ-эк! — выдавил кладовщик и без звука рухнул в рыжую жижу, точно полупустой мешок с картошкой.

— Твержу ему — отойди, а он... — проворчал Макгрегор, даже не глянув под ноги. Повернулся к парню с ломом, мотнул подбородком: — Чего встал? Ну! Ломай хреновину эту. Не жалей железо, времени навалом.

Кэт наблюдала за ними из серой дымки, вцепившись зубами в собственный кулак. Пальцы сводило судорогой. Ей казалось, перед ней не люди, а уродливые марионетки. Макгрегор уже уселся обратно на ящик и ковырял ножом воспалённый ноготь. В груди Кэт вскипела ледяная ярость. Захотелось выскочить, закричать, впиться ногтями в эту сытую, равнодушную харю, но Рик рванул её за локоть, намертво прижав к своему плечу.

— *Ш-ш-ш...* Назад! — выдохнул он прямо в ухо, обжигая кожу горячим хрипом. — Сдурела?! Он... он пули твоей не стоит! Цыц. За мной. К депо, бегом!

Кэт подчинилась, но внутри завязался тугой, холодный узел. Страх и ненависть. Этот ком будет разбухать с каждым часом, с каждой милей пути.

— Ты... ты видел? — вытолкнула она из себя, когда они ворвались в узкий тупик между бараками. Сердце колотилось в самые ребра. — Рик... Он же... ударил и... и дальше сидит! Будто там... будто под ногами пустое место!

— Забудь, — Рик не сбавлял шаг, таща её за собой по скользким доскам. — Плевать на него. Наша задача — ... мы не должны стать такими же. Слышишь? Если уподобимся этой швали — всё. Нам и джунглей не понадобится, чтобы сдохнуть. Сами себя поглотим..

Они рванули дальше, петляя между чадающими бочками с дёгтем и расколотыми ящиками. Туман рвался клочьями, обнажая утро. Сельва лезла на станцию со всех сторон: лианы толщиной в руку затягивали складские крыши, корни взламывали настилы, а серая плесень поглощая мокрое дерево, превращая брус в гнилую труху. Джунгли торопливо, захлёб забирали своё.

— Мы... мы не успеем, — вытолкнула она сквозь зубы, хватаясь за его мокрый рукав. — Слышишь, Рик? Этот... этот проклятый лес поглотит нас раньше! Раньше, чем добежим до депо!

— Не сможет, — Рик резко обернулся, его лицо дёрнулось, коготь поползла по складкам кожи. — Сельва поглощает только тех, кто... кто встал на колени и заскулил. Тех, кто замер. А мы... мы будем бежать. Шагай, Кэт! Живее!

Они проскочили мимо расколотой бочки с керосином. Вонючий удушливый мазутный дух ударил в ноздри, Кэт зашлась сухим, лающим кашлем. Горючка залила грязь, смешалась со слизью, топтаной фасолью и прелой гнилой соломой. В луже, прямо в радужной жиже, лихорадочно сустились жирные серые крысы. Их длинные лысые хвосты оставляли полосы в мазуте. Мир вокруг корёжился, превращаясь в чужое, хищное место. Кэт глянула на мужа и поняла: Рик — единственный кусок Бостона, единственная твердыня, оставшаяся у неё на всей земле.

— Рик! — она рванула его на себя, заставив остановиться прямо у ржавой водокачки. Сапоги чавкнули в глине. — Стой... погоди... А если всё? Если... если мы умрём тут? В этой рыжей жиже, как... как этот старик у склада?!

Инженер замер. Повернулся к ней. В его воспалённых глазах проступило дикое, слепое выражение — смесь загнанного страха и упрямства. Он шагнул вплотную, рваным движением обхватил её лицо мозолистыми, пахнущими гарью ладонями. Пальцы больно вдавились в щеки Кэт.

— Слушай меня! — его голос сорвался на сиплый, яростный полушёпот. — Никаких «умрём». Поняла? Я... я на венчании твоему отцу слово дал. Сказал — вытащу из любого ада. И вытащу! Мы поднимем этот чертов паровоз. Пробьём заросли. Плевать на чертежи Блэквуда, я... я сундуки твои бостонские в топку зашвырну, если дров не хватит! Нам... нам нужно только до депо дойти.

— Но если... если котёл...

— Цыц! — перебил он, тряхнув её за плечи. Из кармана брюк Рика глухо звякнула ржавая гайка. — Никаких «если». Забудь. Есть ты, я, кусок стали и рельсы. Эта зеленая светящаяся полоса в тумане. По ней и пойдём. Прямоком в пекло, если надо. Стоять на месте — верная смерть. А нам... нам ещё рано на кладбище.

Кэт всматривалась в его иссечённое морщинами, грязное лицо. Огонь в его зрачках горел точно так же, как в Бостоне. Рик был прав. Они выживут. Их спасёт это слепое, почти уродливое упрямство, заставляющее двигаться вперёд, когда весь мир вокруг разлетается в бурый прах.

— Ладно, — Кэт шумно втянула ноздрями липкий воздух, её челюсть ожесточённо сжалась. — Идем. Но если... если мы всё-таки сгниём здесь, Рик... Я найду способ проклинать тебя на том свете. Вечно.

— Договорились, — Рик коротко, криво усмехнулся углом рта. — Пошли. «Черная Мария» ждёт. И котёл сам себя не растопит.

Они снова припустили бегом. Лагерь окончательно перестал быть человеческим жильём — он превратился в чадающую свалку. Какой-то рабочий волок на спине мешок с сахаром, разрывая парусину об острые углы стропил. Опустошённая женщина с младенцем сидела на расколотом ящике и тупо глядела перед собой мёртвыми глазами. Посреди прохода кто-то развёл костёр из конторских стульев. Горький канцелярский дым смешивался с болотным туманом, создавая удушливую, въедливую гарь, которую Кэт запомнит до конца своих дней.

— Послушай, — Рик хриплым выдохом оборвал бег, когда они прижались к гнилым доскам ржавой водокачки на самом краю лагеря. — Вчера... вчера на балу мы пили за прогресс из хрусталя. Помнишь? А сегодня этот... этот проклятый прогресс топчет сапогами грязь под окнами нашего барака. Какая-то дикая... дикая насмешка.

— Нет, Рик, — Кэт покачала головой, судорожно ловя ртом воздух, корсет не давал вздохнуть. — Это... это не насмешка. Это правда. Настоящая правда. Мы ведь думали... строили дорогу в будущее, да? А пробили просеку в никуда.

Она замерла, вцепившись пальцами в его плечо. На бледном, иссечённом грязными потёками лице лихорадочно горели глаза.

— Знаешь... знаешь, что я поняла сейчас? Вот прямо сейчас, Рик?

— Что? — он настороженно обернулся на гул толпы позади.

— Цивилизация... вся наша великая культура... это просто привычка чистить зубы по утрам. И всё. Там, в Бостоне, мне казалось — это законы, это какая-то этика, мораль... Чушь! Ерунда. Это просто привычка к порядку. Чистоте. К тому, что завтра... завтра наступит точно такой же день, как вчера. Но когда этот порядок ломается — сыплется всё. В прах. Остаётся только рыжая жижа. Жижа и животный страх.

Рик резко повернулся, в его воспалённом взгляде проступило тяжёлое изумление.

— Возможно, — выдавил он, желваки на скулах туго натянулись. — Но у нас осталась колея. Наш поезд. Депо. Даже если этот путь пробит прямоком в ад — мы двинемся по нему. Больше у нас ничего нет.

Он с силой перехватил её руку, тяня за собой в липкую, серую дымку, сокрывшую магистраль. На площади, увязая в тумане, всё ещё заходилась граммофон, дёргаясь на одной механической фразе: «...свежесть бостонского... щелк... свежесть бостонского... щелк...».

Но они бежали. Замереть означало сдаться. А впереди, в прелом мареве болот, их ждала «Черная Мария». Маневровый паровоз. Их единственное убежище. Этот состав должен был утащить их в самое сердце тьмы — в зелёную могилу, откуда живыми не возвращаются.

— Рик! — выдохнула Кэт, когда под тяжёлыми рабочими сапогами загремели доски станционной платформы. — Что... что мы хороним на этой станции?

Инженер притормозил на секунду, оборачиваясь.

— Всё, — отрезал он, и ржавая гайка глухо звякнула в его кармане. — Прошрое. Дурацкие иллюзии. Веру в справедливость этого мира. Бостон остался там, Катарина. Наша цивилизация мертва.

— И что... что мы берём с собой?

— Только сталь, — Рик рванул её за собой к путям. — Сталь и друг друга. Этого хватит, чтобы выжить.

Он сжал её пальцы мозолистой, пахнувшей машинным маслом ладонью с такой яростной силой, что Кэт на мгновение перестала чувствовать кисть. Но она не пискнула, не попыталась высвободиться. Напротив, вцепилась в его руку в ответ — мёртвой, судорожной хваткой, точно цеплялась за самый последний, призрачный шанс на спасение.

— Идем, — выдохнула она сквозь одышку. — Бежим, Рик. Быстрее к поезду. Они рванули вперёд.

Позади, увязая в серой пелене, граммофон продолжал выплёвывать проклятую рекламу. Толпа потрошила склады. Макгрегор лениво выдавливал гной из воспалённого пальца. Мародёры не догадывались, что через пару часов Клейтоны заварят двери стального бункера, и «Чёрная Мария» потащит их в эпицентр ада. К зелёной могиле на рельсах, пульсирующих фосфорным огнём.

Беглецы тоже не знали финала. Оказалось — к лучшему. Подчас знание ранит сильнее неведения. Особенно когда оно пророчит скорую гибель.

Джунгли сделали глубокий, влажный выдох. Туман сгустился добела, превращая мир вокруг в хищное, враждебное месиво. Но они бежали. Пробивались по зеленому коридору в никуда.

«Человек сильнее смерти, — думала Кэт, сверля глазами серую от копоти рубаху мужа, его напряжённые лопатки и уверенный, тяжёлый шаг. — Он знает финал, но продолжает упрямо переставлять ноги. Смысл — в самом движении. Нужно просто идти вперёд. Даже когда рельсы обрываются у края могилы. Даже когда эта могила зелёная, и на ней никогда не вырастут цветы».

Они пробивались сквозь туман.

Только это имело значение.

ГЛАВА 3

ЛОГИЧЕСКАЯ НЕВИДИМОСТЬ

Из секретного отчёта инспектора страхового товарищества «Атлантик-Мьючуал», Бостон. Оценочный лист №412-Б от 18 августа 1905 года:

«...Настоящим подтверждаю: закупленное синдикатом 2-на Блэквуда тяжёлое оборудование, включая приводные ремни депо, манометры и латунные клапаны маневровых составов, застраховано от порчи и саботажа на сумму сорок тысяч долларов золотом. Потеря данных узлов делает невозможным движение по магистрали, превращая локомотивы в мёртвый металл. Риски оценены как минимальные. Американские инженеры полностью контролируют склады, а местный климат не способен повлиять на прочность стальных конструкций...»

Отметка карандашом на нижнем поле:

«Синдикат ликвидирован в связи с банкротством. Выплаты аннулированы. Архив закрыт».

Туман у ворот депо стоял такой плотный, что казалось, будто кто-то накрыл всю станцию мокрым одеялом из серой ваты, до краёв пропитанной болотной водой и гниющими листьями. Он оседал на кожу липкой плёнкой, проникал глубоко в лёгкие и застревал в горле, превращая каждый вдох в мучительное, изнуряющее усилие, словно дышать приходилось сквозь сырую плотную ветошь. Крупные капли конденсата медленно стекали по бревенчатым стенам, оставляя на почерневшем дереве тёмные влажные полосы, напоминающие следы гигантских слез.

Кэт бежала следом за Риком, чувствуя, как каждый шаг отзывается острой, невыносимой болью в натёртых пятках. Тяжёлые рабочие сапоги, наспех натянутые ею на рассвете, оказались велики на размер, и грубые кожаные швы безжалостно врезались в щиколотки, оставляя там кровоточащие мозоли. Липкая влага быстро пропитывала плотную кожу обуви, смешиваясь с сукровицей, а мокрая ткань носков до мяса стирала воспалённые места, превращая каждое движение в настоящую муку. Но остановиться было невозможно. Рик упрямо тянул её вперёд, его рука сжимала её ладонь с такой яростной силой, что пальцы давно онемели, и Кэт отчётливо понимала: позволь она себе упасть сейчас, подняться на ноги уже не получится.

— Рик... стой... ради Бога... — выдохнула она, когда они наконец добежали до угла депо.

Её голос окончательно сорвался на хриплый, лающий кашель, сотрясавший все тело, и Кэт ощутила, как костяные пластины корсета с каждым новым спазмом болезненно вонзаются в ребра, перекрывая доступ к воздуху.

— Я... я больше не могу бежать в этих колодках... Погоди... Дай мне минуту... Всего одну минуту... Я задыхаюсь...

Кэт вырвала руку из ладони мужа и бессильно привалилась спиной к деревянной стене депо. Бревна скользили от сырости. Пальцы сразу увязли в мягкой, влажной плесени, которая за одну ночь превратила прочный брус в подобие дышащей губки.

Она попыталась сделать глубокий вдох, но воздух, плотный и пахнущий прелыми листьями, застрял в горле. От быстрой ходьбы китовый ус корсета безжалостно вонзился под ребра, выбивая из груди лишь сухой, свистящий всхлип. Металлические застёжки на спине раскалились от духоты и жгли кожу между лопатками, отзываясь пульсирующей болью в такт с бешеным стуком сердца. Кэт лихорадочно рванула воротник, пачкая пальцы в горячем поте, который струился по шее, смывая старую угольную копоть.

Вокруг клубилась серая дымка болот, и Рик казался в ней размытым, нереальным силуэтом. В этой удушливой мути Кэт вдруг почудился призрак — белые, величественные колонны

отцовского особняка в Бостоне. Мираж стоял так близко, что она слепо протянула руку вперёд, надеясь коснуться прохладного камня, но пальцы поймали лишь пустоту и липкий туман.

— Рик... стой... — она сорвалась на лающий кашель, намертво хватаясь за его мокрый рукав. — Назад... Давай вернёмся в барак и закрёмся. Это ошибка, понимаешь? Кто-то перепутал телеграммы в порту. У отца связи в Бостоне, сенаторы, закон... Правительство вышлет за нами кавалерию или корабль. Надо просто переждать, закрыть двери и подождать! Корабли уже идут, Рик, я знаю... Если мы бросим станцию сейчас — мы потеряем последний шанс на спасение!

Она захлёбывалась словами, и этот панический поток лился из неё, как вода из прорванной плотины. В её расширенных, тёмных зрачках застыла слепая детская надежда, какая бывает у людей только на самом краю отчаяния, когда они готовы ухватиться за любую иллюзию, лишь бы не смотреть в лицо надвигающемуся кошмару.

Рик резко развернулся, схватил её за плечи и встряхнул с такой силой, что у неё стукнули зубы. Его пальцы глубоко впились в мокрый изумрудный шёлк, с корнем сминая дорогую ткань. Кэт почувствовала, как его руки крупно дрожат от напряжения. Бледное, иссечённое копотью лицо инженера дышало в упор. В его воспалённом взгляде горела лихорадочная, почти безумная решимость, являвшаяся ей прежде только в самые отчаянные минуты их жизни.

— Катарина, очнись! — его голос сорвался на хриплый, яростный шёпот. — Какая ошибка?! Посмотри на эту площадь! Посмотри на людей! Ты видишь здесь консульский корабль? Ты слышишь гудки спасательных пароходов? Нет никакого синдиката, Кэт. Бумага лопнула. Бостонские векселя, на которых мы выстроили свои иллюзии, превратились в пепел. Мы остались здесь одни. Понимаешь? Совершенно одни! С нами только Хейл и его проклятая фляжка. Ни твоего отца, ни сенаторов, ни правительства. Есть только мы, металл депо и эта светящаяся зелёная полоса, пробитая в никуда.

Он замолчал, до белизны сжав пальцы. Суставы отозвались сухим костяным хрустом. Прежде этот звук Кэт узнала бы из тысячи других, но сейчас он прозвучал не привычным жестом раздражения. Он щёлкнул как выстрел — предупреждение о том, что терпение Рика на исходе. Инженер находился на грани, готовый сорваться на крик, размозжить кулаки о склизкие бревна, лишь бы выпустить ярость, копившуюся в нем долгие месяцы.

— Мы не можем вернуться, Кэт, — произнёс он уже тише, и тон его смягчился, хотя в нем по-прежнему звенела сталь. — Там, в бараке, нас караулит только смерть. Медленная, гниющая смерть в темноте. Мы угаснем от лихорадки или от голода, наши тела растворятся в этой жиже, и никто в мире никогда не узнает, что мы здесь были. Ты этого хочешь? Мечтаешь, чтобы твоя плоть превратилась в пищу для рыжих муравьев? Чтобы Макгрегор лениво ковырял свой гноящийся ноготь, стоя над твоей могилой?

Кэт смотрела на мужа, и в её глазах промелькнула тень сомнения. Она порывалась возразить, выкрикнуть, что он ошибается, что в Бостоне снаряжают спасательную экспедицию, но слова застряли в перехваченном горле. Рик был прав. Она сознавала это с первой секунды, как Хейл переступил порог их барака. Женщина просто отказывалась верить. Она судорожно цеплялась за иллюзию, точно утопающий за щепку, — признать реальность было слишком страшно. Правда означала абсолютное одиночество. Бостон вычеркнул их из списков. Сенаторы, на которых она уповала, сейчас мирно пили чай в своих гостиных, даже не догадываясь, что в Амазонке, в этом прелом мареве, угасают люди. Её близкие. Её муж. Она сама.

— Ваш почтенный папа сейчас пьёт херес в Бостоне, леди, — раздался хриплый, саркастичный голос из тумана.

Хейл вынырнул из серой пелены, точно призрак из разрытой могилы. Кэт вздрогнула — в панике она совершенно забыла о докторе. Старик стоял в нескольких шагах, привалившись спиной к склизким брёвнам депо. Он лениво чиркнул спичкой о подошву дырявого левого ботинка. Серная головка зашипела, выбросила жёлтый язычок пламени и тут же захлебнулась

от влажности. Хейл выругался сквозь зубы, сплюнул рыжую табачную слюну в грязь и сунул огарок в карман.

— Сенаторы далеко, Катарина. Слишком далеко. Амазонка... эта проклятая лужа уже переваривает наши имена. Она растворила их в болотной прели, смешала с гнилыми листьями и корнями орхидей. Никто в Новой Англии не заметит нашего отсутствия. Мы исчезли. Превратились в тени, леди.

Доктор извлёк серебряную фляжку, со скрежетом отвинтил крышку и сделал долгий, жадный глоток. Жидкость булькнула. Кэт увидела, как судорожно дёрнулся его худой кадык. Врач глотал ром со слепым, лихорадочным наслаждением. Вытерев губы тыльной стороной ладони, испачканной в карболке, он уставился на Кэт со своей неизменной язвительной усмешкой.

— Наша кавалерия — ржавый котёл в депо, моя дорогая, — продолжал доктор с тягучей, вязкой иронией. — Единственные сенаторы, способные вытащить нас отсюда, — поршни и клапаны «Чёрной Марии». Переставляйте ноги, леди, если не горите желанием сгнить на этом перроне. Я успел привыкнуть к вашему обществу. Терять столь изысканную компанию в болотной жиже — непозволительная роскошь.

Он повторно чиркнул спичкой о подошву. На этот раз серный наконечник вспыхнул. В жёлтом дрожащем отсвете лицо Хейла показалось Кэт обтянутым кожей черепом. Скулы резко заострились, глаза провалились в глазницы, а желтоватые белки лихорадочно блестели от хронического похмелья и бессонницы. Доктор затянулся. Горький дым пополз к стропилам, мешаясь с туманом и создавая въедливый, удушливый запах.

— Хейл прав, — Рик шагнул к ней, его тон окончательно затвердел. — Ждать нельзя. Время иллюзий вышло. Шагай, Кэт. Мы обязаны пробиться к путям, пока маневровый состав не пустили на лом.

Но Кэт застыла. Она по-прежнему стояла, вжавшись лопатками в мокрые бревна, и переводила взгляд с Рика, исходившего лихорадочным мышечным зажимом, на Хейла с его неизменным серебром фляжки. Туман оседал на губах, крупные капли конденсата ползли по щекам, смешиваясь с грязным потом и скупыми слезами. Женщина опустила взгляд на свои ладони. Испачканные угольной копотью пальцы, обломанные ногти, багровые волдыри от укусов мошек и ожоги солнца казались ей чужими. Накатил морок. Ей почудилось, будто она всё ещё сидит в Бостоне, в светлой гостиной у камина, неспешно пьёт чай из тонкого фарфора Паркера и смотрит на чистый белый снег за окном.

Сверху, с раскидистого мангового дерева у самой стены депо, раздался глухой влажный треск. Кэт не успела вскинуть голову. Тяжёлый полусгнивший плод сорвался с ветки и с чавкающим звуком рухнул ей прямо на плечо. Перезревший, почерневший изнутри, он исходил удушливым запахом забродившего сахара и прели. Жирная липкая мякоть с ходу размазалась по изумрудному шелку. Тёмное вонючее пятно мгновенно въелось в ткань, пропитывая нити сладковато-гнилостным соком. Кэт ощутила, как тёплая масса ползёт по ключице, оставляя влажный холодный след. Приторный дух брожения забил ноздри, мешаясь с гарью, потом и керосином.

Она судорожно отшатнулась, но свисавшая с кроны мокрая лиана качнулась и с хлёстким шлепком мазнула её по щеке. Сырая влага пропитала лицо, капли поползли по шее, смывая грязь. Природа бесхитростно отвечала на её иллюзии. Лес за досками депо осязаемо заявлял: *«Забудь Бостон. Забудь сенаторов и консульские корабли. Есть только эти заросли. И я расту тебя в себе».*

— Идём, — произнёс Рик тихо. Ярость угасла, уступив место усталой, бесконечной преданности. — Надо миновать площадь. Добраться до путей. Без тебя я сломаюсь, Кэт.

Она безмолвно кивнула. Они двинулись дальше. Рик осторожно заглянул за угол депо, его лицо мгновенно посерело, а веки сузились. Кэт протиснулась следом, глянула через его плечо, и кровь застыла в её жилах.

Перед ними открылась страшная картина. Площадь перед главным складом превратилась в пекло. Огромная дубовая бочка, выволоченная из подвала, лежала на боку, и из её расколотого днища хлестала темная маслянистая жидкость. Она лилась в рыжую грязь, смешиваясь с болотной водой, нечистотами, битым стеклом и щепками, образуя густую, зловещую жижу. Технический спирт пах резко, химически. Запах ударил в ноздри с такой силой, что Кэт зашлась сухим кашлем, прижимая ладонь к губам.

Рабочие — сотни мужчин в грязных холщовых рубахах, с лицами, искажёнными жаждой и отчаянием, — толпились у цистерны. Они черпали сивуху жестяными кружками, мисками, хватали просто ладонями. Люди пили жадно, издавая хриплые утробные звуки, проливая жидкость на одежду, на землю, на лица друг друга. Их глаза казались стеклянными, пустыми. Обезумевшая масса смотрела только на возжеленный ковш, не замечая ничего вокруг. Давка стояла такая плотная, что тела вдавливались друг в друга, ребра хрустели под напором, а лица кривились в судороге боли и дикого наслаждения. Кто-то упал прямо в лужу пролитого суррогата и зашёлся хрипом, захлёбываясь в грязи, но никто не обернулся. Безликая толпа была слишком занята своим безумием.

— Надо пройти, — прошептал Рик, и в его тоне звенела сталь. — Движемся вдоль стены, вплотную. Не привлечём внимания — нас не увидят. Они ослепли. Вся их жизнь сейчас — этот спирт.

Он увлёк её за собой. Они пробирались по краю площади, буквально вжимаясь в мокрые бревна депо. Кэт ощущала ладонями склизкое дерево, влажная плесень липла к пальцам, оставляя холодный след. Она заставляла себя смотреть только вперёд, но взгляд упрямо возвращался к хаосу на земле. Двое рабочих ожесточённо рвали друг у друга жестяной черпак. Они катались по рыжей глине, усыпанной острыми щепками. Их лица заливала кровь вперемешку со слизью. У одного рука висела плетью под неестественным углом, но он всё равно хрипел, слепо катился корпусом вперёд и скалился, пытаясь достать бочку. Другой, более сильный, навалился сверху, сдавил раненому горло и вырвал добычу. Он уже поднес край к губам, но в этот миг кто-то сзади с маху опустил ему на темя пустую бутылку. Мужчина рухнул ничком, захлёбываясь собственной кровью.

Под ногами Кэт непрерывно хрустело стекло. Осколки аптекарских склянок, раздавленных в давке, вонзались в толстые подошвы сапог, издавая сухой треск под тяжестью её шагов. Острые края резали грубую кожу обуви. Кэт чувствовала, как сквозь подошву сочится болотная жижа, обжигая ступни. Каждый шаг отдавался тупой болью, возвращая её в реальность, напоминая, что она всё ещё жива.

Рядом, вжимаясь плечом в стену депо, двигался Хейл. Его лицо казалось каменной маской, но Кэт видела, как дрожат длинные пальцы, стискивающие фляжку, и как цепко зрачки сканируют площадь. Врач находился в том особом, пугающе трезвом опьянении, какое бывает лишь у людей, привыкших балансировать на краю пропасти.

— Знаешь, леди, — прошептал он, наклоняясь к её уху, — эта сивуха растворяет лак на ящиках за пару секунд. Металл разъедает. А бедолаги глушат её, точно родниковую воду. Их желудки сторгят быстрее, чем котёл паровоза. Только им плевать. Никто не хочет думать. Всем нужно ослепнуть. Похоронить мысль о банкротстве Блэквуда. Забыть, что им отсюда не выбраться. Забыть, что их время вышло.

Кэт промолчала. Туман облеплял лицо, липкая мякоть манго тупо ползла по плечу, а химическая гарь спирта душила лёгкие вперемешку с кислым человеческим потом. Хейл не лгал. На этой площади живых не осталось. Мертвецы просто продолжали переставлять ноги.

Внезапно она споткнулась.

Левый сапог намертво зацепился за скрытую в жиже гнилую шпалу. Кэт покачнулась, тяжёлая обувь скользнула по глине, и женщина рухнула на колено, глухо ударившись обо что-то острое. Из груди вырвался вскрик. Навзничь её не пустил Рик, вовремя перехвативший за локоть.

— Кэт! — в его сипом голосе звякнул испуг. — Что там?! Живее!

Она опустила взгляд. Намокший от болотной сырости изумрудный шёлк намотался на массивный каблук глухой петлей. Ткань намертво вросла в жижу, вцепилась в острые края расколотого стекла, удерживая её на месте, словно стальной капкан. Кэт рванула ногу, но отяжелевший подол не поддался.

— Черт! — выплюнула она сквозь зубы. — Это платье... Оно держит меня! Как ловушка!

Она дернулась повторно. Шелковый жгут затянулся сильнее, и осколок бутылочного горлышка глубоко рассёк щиколотку. Болотная жижа обожгла порез. Тёмная кровь хлынула на ткань, смешиваясь с изумрудными нитями и превращаясь в бурый, гниlostный оттенок. Этот грязный цвет Кэт запомнит на всю жизнь.

— Режь, — Рик выдохнул это с той же глухой яростью. — Режь его, Кэт. Оно тянет тебя на дно!

Она не колебалась. Ладонь скользнула в глубокий карман юбки, пальцы нащупали кухонный нож — тот самый, которым она резала хлеб за домашними завтраками и который сунула в карман без всякой цели. Лезвие оказалось острым, холодная сталь мгновенно обожгла подушечки пальцев.

Она перехватила рукоять и без раздумий с яростным сухим треском полоснула по подолу. Лезвие вошло в мокрый шёлк с характерным плотным скрежетом. Нити рвались, ткань послушно расступалась под напором стали. Кэт резала быстро, ожесточённо, оставляя рваные локуты.

Она укоротила платье до колен, бросив роскошный бостонский шёлк в рыжую жижу. Ткань шлепнулась на землю с глухим влажным стуком. Ноги мгновенно освободились, прохладный воздух коснулся кожи, удушливая тяжесть подола исчезла. Кэт стояла, тяжело дыша. Изумрудный шёлк утонул в грязи, в лужах технического спирта и битого стекла, такой же мёртвый, как и её прошлая жизнь.

Женщина опустила взгляд на нож. Сталь потемнела от глины и её собственной крови. По щиколотке струилась тёплая влага, смешиваясь с холодной грязью в липкую, въедливую массу.

— Это платье стоило дороже годовой ведомости рабочих, — её голос дрогнул, но страх испарился, уступив место чистой злости. — Триста двадцать долларов. Бостонский шёлк. Ручная работа. Теперь оно весит меньше рыжей глины. Я срезаю своё прошлое, чтобы просто сделать следующий шаг.

Она швырнула кухонный нож под ноги и посмотрела на Рика. В её зрачках разгорелся тот же огонь, что и у него — слепая воля к выживанию. Она была готова оставить всё позади.

— Идём, — её тон окончательно затвердел, превращаясь в сталь. — Быстрее к поезду.

Рик глянул на неё с изумлением, в котором сквозь копоть проступила гордость. Он крепко сжал её ладонь. Они бросились дальше. Хейл безмолвно семенил следом, стискивая фляжку дрожащими пальцами пианиста. Кэт кожей ощущала его взгляд — тяжёлый, липкий, точно болотный туман. Доктор тоже переродился. Стал тише, серьезнее, с его лица полностью сползла едкая язвительная маска. Обнажился первобытный страх. Усталость. Лихорадочный блеск человека, осознавшего близость финала.

Они пролетели мимо беснующейся площади. Рабочие их не заметили. Обезумевшая масса была слишком поглощена алкогольным трансом. Кэт мельком видела грязные, мокрые лица и стеклянные глаза, устремлённые на возделенный ковш со спиртом. Люди лакали сивуху, дрались, падали ничком. Она отчётливо понимала: эти мужчины никогда не увидят Бостона. Не вернутся к семьям. Их удел — остаться в этой жиже, в этой зелёной могиле.

Они выбежали к воротам депо. За распахнутыми створками, в глубине туманного полумрака, Кэт разглядела очертания локомотива. «Черная Мария» застыла на путях — ржавая, грязная, подернутая слоем копоти и серого грибка. Но металл держался. Машина ждала их.

— Мы поднимем этот состав, — Рик обернулся, в его тоне звенела привычная жёсткая сталь. — Прорвёмся сквозь завалы. Пустим на топливо воспоминания, швырнём в топку бостонские сундуки, если потребуется. Мы выедем отсюда, Кэт.

Она безмолвно кивнула. Женщина рассматривала ржавую, покрытую мазутом машину, ставшую их единственным билетом на спасение.

— Рик... — Кэт притормозила у самого входа в ангар. — Что мы хороним на этой платформе?

Инженер остановился. В его воспалённых глазах разгоралось упрямое пламя.

— Всё, — отрезал он. — Прошлое. Дурацкие иллюзии. Надежду на то, что этот мир бывает справедливым. Бостон остался позади, Катарина. Наша цивилизация мертва.

ГЛАВА 4

КЛАДБИЩЕ МАШИН

Из конфиденциального рапорта инспектора путей Г. Уолтерса правлению синдиката «Транс-Амазония Лимитед», Бостон, 14 марта 1904 года:

«...Проведённые расчёты прочности полотна в тупике третьей станции полностью исключают просадку грунта. Тридцатитонный маневровый локомотив класса „Е“ (серия „Мария-04“) снабжён усиленными стальными колёсными парами, способными удерживать состав на песчаной насыпи при любых погодных условиях. Рассуждения местных рабочих о „подвижных болотах“ сельвы научно необоснованны и вызваны суеверием...»

Пометка чернилами наискось листа:

«Склады брошены. Эвакуация персонала завершена. Локомотив оставлен на путях».

Дождь ударил по жестяной крыше депо с сухим, оглушительным треском, похожим на пулемётную очередь.

Катарина вздрогнула, отступив вглубь навеса. Шаг — и каблук с чавканьем ушёл в рыжую жижу. Сверху, прямо за гигантским листом папоротника, яростно и тонко заверещала испуганная мартышка — *чи-чи-чи!* — и ветка с шумом качнулась, сбрасывая поток грязной воды. Воздух мгновенно запах озоном и раскалённой медью. На языке остался горький, металлический привкус.

Где-то в темноте, у путей, оглушительно звякнуло железо — Рик швырнул тяжёлый гаечный ключ прямо в лужу. Из темноты донёсся его хриплый, сорванный кашель, перемешанный со скрежетом натягиваемого стального троса.

— Кэт! — Крик мужа едва пробился сквозь рев воды. — Живее сюда! Насыпь плывёт!

Катарина рванулась вперед, на ходу выдирая застрявший в грязи сапог. Мокрый шёлк линяющего платья облепил ноги, мешая идти. Вспышка молнии на секунду залила тупик мертвенным светом, выхватив из темноты огромный чёрный силуэт «Чёрной Марии». Тридцатитонный паровоз уже заметно кренился на левый бок, его колеса со страшным, живым стоном уходили в размокшую землю.

— Лопату! — Рик вынырнул из водяной стены. Его серое от копоти лицо было залито потоками грязной воды, правый кулак судорожно сжимался, издавая сухой костяной хруст. — Чего ты стоишь? Под колеса нужно кидать щебень, иначе она ляжет на бок!

Из глубины тёмного вагона донёсся ленивый, растянутый смешок доктора Хейла и отчётливый, монотонный стук пальцев по пустой серебряной фляжке. *Тук-тук-тук*. Похоронный марш.

к океану? Вашим бостонским дипломом?

— Рик... — Кэт рванула воротник, судорожно и глубоко втягивая ноздрями воздух. — Он пахнет не водой, Рик. Смертью пахнет. Мокрой землёй и гнилью. Словно всё, что околело в этой сельве за тысячу лет, сейчас всплывает наружу. Чтобы забрать нас. Послушай меня! Воздух... он же стал мертвым!

Рик не поднял головы. Правая рука механически, до побеления суставов, сжала ржавый гаечный ключ. Из-под ногтей выжимался чёрный мазут.

— Знаю, — отрубил он. Хриплый голос сорвался на свистящий шёпот. — Молчи, Кэт. Подавай болты. Быстрее.

Он стоял на коленях в рыжей жиже перед маховиком «Чёрной Марии». Капли ливня били его по затылку, смешивались на лице с угольной копотью и стекали грязными струями за шиворот промокающей рубашки. Жилы на шее вздулись, превратившись в натянутые струны.

В глазах Рика сейчас было то самое сиротство разума, которое случается с учёным, чьи точные расчёты сопромата опровергла обыкновенная амазонская грязь.

— Если не затяну трос — котёл рухнет в трясину, — выплюнул он вместе с дождевой водой, бешено крутя замасленную гайку. Пальцы соскальзывали с ржавого железа, сдирая кожу на костяшках. — Местные говорили, в ливень река поднимается на три фута за час. Вода с мясом вырывает вековые деревья. Смывает насыпи. Уносит людей. Португалцы тонули в этой жиже целыми бригадами, Кэт! Подавай ключ, черт тебя дери!

Капли его пота падали на ещё тёплую станину паровоза, с едва слышным шипением исчезая в масляной плёнке.

— Ты не остановишь этот ливень, Рик, — Катарина заговорила тише, интонации надлюмились, пропуская подступающий страх. Светский лоск окончательно смыло водой. — Можно лишь попытаться не захлебнуться. А мы уже тонем, Рик. Земля плывёт. То, что вчера держало наши шаги, сегодня затягивает нас вниз.

Рик резко вскинул голову. Белки его воспалённых глаз сделались багровыми от лопнувших сосудов. В этом взгляде Кэт поймала то, чего смертельно боялась: его фанатичная вера в чертежи, прочность двутавровых балок и силу пара только что дала трещину перед лицом хлюпающей трясины. Он смотрел на жену — на мокрые лохмотья линяющего шелка, на серые потеки мазута на бледных щеках.

— Знаю, — его хрип перешёл в злой, отрывистый шёпот. — Знаю, Кэт! Но сидеть и смотреть, как трясина жр... забирает котел, я не стану. Это наш единственный билет отсюда. Единственный. Упустим «Чёрную Марию» — сгниём в этом тупике, как португальские подёнщики. Я не оставляю тебя подых... умирать в этой грязи. Не в аду, который Блэквуд выстроил на своих лопнувших векселях.

Он снова согнулся над станиной, бешено, вслепую вращая гаечный ключ.

Катарина опустила в рыжую жижу рядом с ним, напроць забыв о брезгливости. В груди тяжело, толчками забилося сердце — яростное, эгоистичное чувство близости к этому человеку смешалось с паникой. Кэт положила ладонь на его лопатку. Сквозь насквозь промокшую, облепившую спину ткань она почувствовала, как крупно, судорожно дрожат его мышцы от холода и предельного, животного напряжения.

— Держи трос, — выдохнула Катарина, и её голос сорвался на хриплый, сдавленный шёпот. — Тяни, Рик.

Инженер вскинул голову. Сквозь мазутную копоть на лице проступило глухое отчаяние. Он перехватил её пальцы, рванув на себя с такой силой, что суставы Кэт хрустнули с сухим костяным звуком.

— Держу, — отрубил он. Сталь вернулась в его хрип.

Стена ливня сомкнулась окончательно. Капли рушились сплошным тяжёлым потоком, выбивая из ржавой крыши депо оглушительный, дробный гул. Твёрдая почва под сапогами Катарина окончательно превратилась в зыбучую трясину. Жижа неохотно, со свистом отпущала обувь, утягивая ноги глубже с каждым движением. Рельсы, по которым они только что ходили, медленно скрывались под мутной коричневой водой. Казалось, железная дорога обрывалась в никуда, и пути назад больше физически не существовало. Грязный паводок уже подбирался к бандажам колёсных пар «Чёрной Марии», лениво облизывая металл, покрытый слоем смазки. Железо кажется вечным только там, где его поржавевшие бока защищены законами и стенами городов. Здесь, под тяжёлыми каплями Амазонки, тридцать тонн стали исчезали в бурой жиже так же легко, как капля воска на горячей плите.

— Растяжку к столбу! — закричал Рик, перекрывая рев водяной стены. Голос сорвался на лающий, хриплый фальцет. — Кэт, держи натяжение! Хейл, черт вас дери, где лебёдка?! Утонет ведь, как камень!

Доктор Хейл вынырнул из темноты ангара, волоча по грязи масляную петлю стального каната. Лихорадка окрасила его белки в грязно-жёлтый цвет, пальцы пианиста мелко дрожали от холода и нехватки рома. Старик встал под самым краем прогнувшегося навеса, откуда ручьями хлестала вода. Намертво проигнорировав крик инженера, он привычным движением чиркнул спичкой о подошву дырявого левого ботинка. Серная головка зашипела, выбросила чахлый жёлтый огонёк и мгновенно захлебнулась от влажного пара.

Хейл выругался сквозь зубы, сплюнул под ноги рыжую слюну от жевательного табака и швырнул мокрую щепку в лужу.

— Живее сюда! — Рик перехватил масляный канат, намертво впиваясь пальцами в ржавые пряди стали. Под его хваткой с сухим хрустом посыпалась рыжая окалина. — Вокруг опоры! В три оборота! Если этот столб сгнил — нам конец.

В крошечной тьме, под отвесной стеной ливня, трое выживших вслепую рвали жилы против тридцати тонн мёртвого железа. Горячая вода заливала ноздри, мешая дышать, смывала пот и мазут в глаза. Мокрая ткань лохмотьев намертво облепила тело Катарины, превратившись в тяжёлый панцирь. Сапоги увязали в трясине по самую голень, глина со свистом засасывала обувь, лишая опоры.

— Навалились! — лающий рык Рика сорвался на сиплый фальцет. — Кэт, держи! Сейчас ляжет!

Катарина перехватила стальной канат. Мокрый металл мгновенно заскользил в ладонях, сдирая нежную кожу до мяса и оставляя на пальцах глубокие, кровоточащие борозды. Мышцы предплечий свело судорогой. Кэт рванула ворот, глубоко и судорожно втягивая ноздрями плотный, пахнущий тиной пар, и потянула изо всех сил, наваливаясь всем весом своего худого тела.

Стальной трос зазвенел, натянувшись как струна, с которой каплями срывалась вода. «Чёрная Мария» вздрогнула. Её левые буксовые узлы со скрипом подались назад, и в ту же секунду под правыми колёсами с глухим, утробным звуком просела насыпь. Бурая жижа с хлопьями хлынула из-под шпал поржавевшего пути. Рельсы окончательно ушли под мутную воду Порто-Велью, обрывая единственную дорогу назад. Вспышка молнии на мгновение осветила вершину качнувшегося локомотива: по раскалённому кожуху сухопарника, спасаясь от паводка, безумно метались десятки крупных древесных лягушек кислотно-зелёного цвета.

— Она идёт вниз! — Кэт сорвалась на злой, едкий шёпот, теряя остатки дыхания. — Рик! Колеса уходят! Трясина затягивает ее!

От усталости пальцы Рика соскользнули с рычага ручной лебёдки. Стопорный механизм с визгом провернулся назад, выбивая стальную рукоять прямо из его рук.

Рукоять лебедки с глухим треском ударила Рика по запястью. Трос вырвался из окровавленных пальцев, заскользив по металлу станины подобно склизкой, ожившей змее.

Инженер бросился следом, вслепую хватая рваные стальные пряди. Ладони скользили по густому мазуту, пальцы свело судорогой, они отказывались гнуться. Он хрипел, выплёвывая дождевую воду напополам со злыми проклятиями в адрес Блэквуда, Амазонки и собственных никчёмных рук. Рик рухнул коленями в рыжую жижу, и его правый кулак судорожно, до белого костяного хруста сжался. Но замасленной гайки в кармане больше не было — талисман ушёл на дно лужи секундой ранее. Калькулятор в его голове окончательно встал.

— Не затяну... — Хриплый фальцет Рика сорвался на свистящий, прерывистый шёпот. — Кэт, пальцы... я не чувствую пальцев. Металл уходит. Сопромат не держит воду. Всё плывёт. Всё плывет, Кэт...

Катарина упала в грязь рядом с ним. Потеряв надменный лоск, она неосознанно дёрнула рукой, пытаясь поправить несуществующий воротник роскошного шелкового платья, но пальцы поймали лишь мокрые, облепленные мазутом лохмотья. Она обхватила его за шею, прижимаясь мокрой щекой к его обледевшему лбу. Кэт судорожно и глубоко втянула нозд-

рями плотный воздух, пахнувший озоном и мёртвой речной тиной, шумно выдыхая через рот прямо ему в губы:

— Дыши, Рик. Дыши. Я здесь. Слышишь? Смотри на меня. Лопату мне... я сама стану кидать этот чертов щебень.

Из темноты депо донёлся ленивый, растянутый скрежет. Доктор Хейл, покачиваясь от лихорадочного озноба, монотонно отстукивал пальцами похоронный марш по боку пустой серебряной фляжки. *Тук-тук-тук*.

— Кончайте вашу бостонскую драму, дети мои, — донёлся его ленивый, леденящий сарказм сквозь стену ливня. — Вы не на сцене театра Китреджа. Посмотрите лучше под ноги.

Они снова вцепились в канат. Катарина рванула металл на себя, чувствуя, как рвутся мышцы предплечий, а каждая клетка тела отзывается тупой, ноющей болью. С другого конца за пряди троса ухватился Хейл. Судовой врач работал молча, стиснув зубы; его худое, жилистое лицо превратилось в неподвижную серую маску. Исчезли едкие метафоры, пропал сарказм — старик лишь хрипел, выплёвывая дождевую воду и увязая сапогами в жиже.

Но паводок прибывал быстрее. Бурая пена полностью скрыла рельсы, поднялась выше ступиц и хлынула внутрь «Чёрной Марии», превращая тридцать тонн закалённой стали в мёртвый, неподвижный якорь. Локомотив ощутимо повело влево. Из приоткрытых дверных заслонок затопленной топки с яростным, свистящим рёвом вырвался густой белый пар, окутав ангар душливым облаком.

— Всё, — Хейл отпустил канат. Его длинные пальцы пианиста мелко, судорожно задрожали от усталости. Он сплюнул рыжую табачную смолу прямо в набежавшую волну. — Отступайте, Рик. Насыпь лопнула. Трясина забирает её.

Рик медленно поднялся с колен. Его лицо, покрытое серой угольной копотью, сделалось бледным, как пепел. Взгляд воспалённых глаз намертво прирос к накренившемуся котлу. В этой пустоте больше не осталось страха — только глухое, леденящее равнодушие человека, который понял, что проиграл.

— Она уйдёт на дно, — его голос прозвучал плоско, безжизненно, потеряв всякую человеческую интонацию. — Утонет. А мы останемся в этом тупике.

Манометры, рычаги, чертежи и точные законы механики рушились, превращаясь в ничто под тяжёлыми ударами Амазонки. Вода с головой накрывала цилиндры, и пар из треснувших труб вырывался со свистом. Паровоз, который в Бостоне казался укрощённым титаном, здесь выглядел лишь нелепой игрушкой, забытой капризным ребёнком посреди топкого болота.

— Забавно, — Рик издал сухой, лающий смешок, от которого Катарина вздрогнула. Инженер даже не заметил, как из содранных костяшек его правого кулака на грязную рубашку закапала кровь. — Я проектировал пролёты мостов в Массачусетсе. Рассчитывал сопротивление материалов под тонны груза. До единого болта, Кэт. До единого шва... А теперь стою в грязи и смотрю, как железо тонет в луже. И сопромат молчит.

Правая шпальная опора с утробным хрустом разлетелась на щепки. Тридцатитонный корпус «Чёрной Марии» со страшным металлическим визгом резко завалился на левый бок. Стальной канат лопнул с пушечным звуком, стегнув по воде в дюйме от сапог Хейла. Паровоз медленно, как подбитый в брюхо кит, уходил колёсными парами в зыбучую тину, со скрежетом сгибая поржавевшие рельсы. Металл стонал, трещал под тяжестью собственного веса, пока болотная жижа заполняла его остывающие стальные внутренности.

И в эту секунду, посреди хлупающего хаоса, Катарина поймала чужой взгляд.

Прямо над ними, на толстой ветке старого мангового дерева у кромки навеса, замерла крошечная мартышка-игрунка. В её огромных, тёмных, как речная вода, глазах было лишь безмятежное, леденящее наблюдение. Живое существо сельвы разглядывало испачканных мазутом людей с тем же безразличием, с каким провожает взглядом падающий сухой лист. Почти у самой мордочки зверька, на влажной коре, на мгновение раскрылось неоновое-синее крыло

бабочки Морфо — безупречная, чистая лазурь посреди бурого месива и человеческого бессилия. *Сельва существовала задолго до бостонских банковских счетов и останется такой же совершенной, когда последнее слово инженеров утонет в крике диких птиц.*

Катарина судорожно втянула ноздрями влажный воздух. Цивилизация, фабричные манометры, устрицы в ресторанах Массачусетса — всё оказалось декорацией. Настоящей была только эта ветка, хлещущая вода и равнодушные глаза дикого существа.

— Рик, — Катарина заговорила злым, едким шёпотом, интонации резко надломились. — Посмотри вверх. Она не боится. Ей плевать, что мы подых... что мы остаёмся здесь.

Инженер медленно поднял голову. Изрезанные стальным канатом ладони бессильно повисли вдоль тела.

— Она дома, Кэт, — Хриплый голос Рика потерял былую твёрдость, в нем проступила древняя, глухая тоска. — А мы привезли сюда свою гордость. Самое страшное в этих джунглях — их абсолютное равнодушие. Поезд может развалиться на части, наши кости сгниют в грязи, но эта тварь на ветке даже не прервёт свой завтрак.

Он снова повернулся к путям. «Черная Мария» окончательно завалилась на бок, напоминая подбитого гарпуном кита. Мутный коричневый поток полностью скрыл буксовые узлы и левую сторону кабины. Последняя струя пара с шипением растворилась в стене ливня.

— Всё кончено, — выплюнул Рик плоско, безжизненно. — «Черная Мария» в болоте. Блэквуд запер нас в этой могиле.

Катарина шагнула к нему по колено в рыжей жиже. Она мёртвой хваткой вцепилась в его мокрое плечо, пальцы до боли вонзились в натянутые мышцы мужа. Этот мужчина был её клеткой, её удушающей зависимостью, но одновременно — единственным билетом обратно к хрустало и шелковым простыням Бостона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.